
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1754 год

Меры для составления Уложения. - Учреждение Купеческого банка. - Постановление о выдаче беглых. - Уничтожение внутренних сборов в Малороссии. - Комиссия об Уложении. - Положение Судного приказа. - Помещичьи уособицы. - Столкновение церковных крестьян с причтом. - Неприятная переписка между Синодом и Сенатом, между Сенатом и Адмиралтейскою коллегиею. - Положение новоучрежденного Купеческого банка. - Продажа соли. - Меры относительно повивальных бабок. - Обширный проект Петра Ив. Шувалова о сохранении народа. - Рождение великого князя Павла Петровича. - Письмо канцлера Бестужева к брату Михаилу Петровичу. - Последний не перестает сердиться на брата. - Дело о переселении черногорцев в Россию. - Затруднительные переговоры с Польшею по делу о выдаче беглых, по курляндским делам и по делу Чарторыйских. - Продолжение переговоров с Англиею о субсидном трактате. - Столкновение с Турциею по поводу строения крепости св. Елисаветы.

Елисавета пробыла в Москве и первые четыре месяца с половиною 1754 года и только 19 мая возвратилась в Петербург. Но удобства зимнего пути заставили императрицу еще 3 января объявить, что сама она отправится в Петербург в мае месяце, а все канцелярии пусть отправляются последним зимним путем, также и из членов их, кто пожелает. Последним распоряжением относительно Москвы было приказание снести построенный близ Красных ворот комедиальный немецкий дом.

Если пребывание в Москве 1753 года ознаменовано было знаменитым указом об отмене внутренних таможен, то и пребывание 1754 года было ознаменовано также важными распоряжениями. Уже несколько лет императрица не присутствовала в Сенате; но тут два раза посетила его. 11 марта собрались в Сенат президенты коллегий, канцелярий и приказов, вице-президенты, главные судьи и члены и подали мнения о происходящих в судах спорах о записке спорных речей в особые тетради и о взятии экстрактов из нерешенных дел в Юстиц-коллегию. В десятом часу в Сенат вошла императрица, и эти мнения слушаны были в ее присутствии. Во время слушания этих мнений рассуждали: когда по судным делам челобитчику или ответчику дойдет до объявления крепостей, то из них некоторые, особенно ябедники, чтоб дело протянуть и к решению не допустить, показывают, будто крепостей при них нет, будто с этими крепостями люди их посланы для сыску беглых крестьян в Астрахань и другие дальние города; а иные объявляют, будто крепости у них и вовсе

пропали или люди, бежав, покрали: другие же сказывают, что во время пожаров сгорели.

Императрица, рассуждая с немалым сожалением о своих подданных, что иные при всей справедливости их дела чрез разные коварные и ябеднические вымыслы должного себе удовлетворения и скорого в делах своих решения получить не могут, а между тем есть и такие, которые продолжают время необъявлением крепостей, полагала, чтоб всякого чина люди хранили крепости, как самые нужные бумаги, и в случае пропаж и утрат в пожарное время брали выписи из присутственных мест и впредь никакой отговорки не представляли.

Главный судья Судного приказа Юшков упомянул, что беглых крестьян велено отдавать по Уложению, по писцовым и переписным книгам 135, 136, 154 и 155 годов, а эти книги были составлены задолго до Уложения, и теперь не только детей и внучат, но и правнучат этих беглых, но и дальше лет за сто и более ищут, и один помещик по своим, а другой по своим деревням имена подбирают, и приводные из страха, не зная, кому достанутся, говорят так, как приводцам надобно, и, кто сначала приведет, того и сказываются, а когда того же беглого приведет другой соперник, то станет называться его крестьянином, и в переменных речах доходят до пытки и кровопролития; а если бы самого истца или ответчика спросить под присягою, подлинно ли это их прадедов или дедов люди и крестьяне, то присягнуть бы не посмели.

Это замечание подало повод к рассуждению, что сомнительно, чтоб приведенные из бегов как подлые люди могли помнить свою родословную, да и после означенных годов были новые переписи, и потому надобно определить, по каким позднейшим переписям отдавать беглых для избежания затруднений и пыток от разноречий. При этом императрица прибавила, что не только подлые люди, но и знатные, оставшиеся после отцов и матерей в малолетстве, без справки не могут указать свою восходящую линию.

Тут сенатор граф Петр Ив. Шувалов обратился к императрице с такими словами: "Для совершенного пресечения продолжительности судов нет другого способа, кроме указанного уже вашим императ. величеством, когда вы изволили подтвердить указы родителей своих и их преемников, а которые с настоящим временем не сходны, то повелели разобрать Сенату. Хотя мы разбором этих указов и занимаемся, но нельзя надеяться, чтоб мы удовлетворили желанию вашего импер. величества, если будем следовать принятому порядку, ибо никто из нас не посмеет сказать, чтоб он всякого департамента дела знал в такой же тонкости, как знают их служащие в тех местах, которые в совершенстве знают излишки и недостатки в указах, затрудняющие их при решении дел. И потому каждое место должно разбирать указы, относящиеся к подведомственным ему делам, и, пока этого не будет, нельзя ожидать окончания Уложения, над которым велел

работать Петр Великий, для которого при императрице Анне было собрано дворянство, но распушено, ибо не принесло никакой пользы. Ваше величество с начала своего государствования, тому уже 12 лет, как изволили приказать нам заняться этим делом: но, но несчастью нашему, мы не сподобились исполнить желание вашего величества: у нас нет законов, которые бы всем без излишку и недостатков ясны и понятны были, и верноподданные рабы ваши не могут пользоваться этим благополучием".

Выслушав это мнение и выразив немалое сожаление о своих верноподданных, которые страдают от разных ябеднических вымыслов, императрица изъявила такое свое намерение, что преимущественно пред прочими делами надобно сочинить ясные законы и тому положить немедленно начало. Потому рассуждала, что нравы и обычаи изменяются с течением времени, почему необходима и перемена в законах: наконец, заметила, что нет человека, который бы в подробности знал все указы, относящиеся ко всем департаментам, и потому мог бы отвратить все излишки и дополнить все недостающее, разве бы имел ангельские способности.

С этими словами императрица встала и вышла из собрания в первом часу пополудни. После нее Сенат определил приступить к сочинению ясных и понятных законов.

Еще 23 февраля сенатор граф Петр Шувалов предложил Сенату: при Петербургском порте ныне курс на российские деньги состоит высокий, и чрезвычайные проценты давать должны для того, что в обращении в Петербурге денег имеется не довольное число и российские купцы наличных денег мало ж имеют, отчего и коммерция может в упадок прийти, и в платеже внутренних пошлин по 13 копеек с рубля будет недостаток; а на монетных дворах капитал состоит в немалой сумме без всякого плода; того ради для одного купечества банк до полмиллиона и на первый случай хотя до 200000 рублей определить и отдавать торгующим в Петербурге купцам из процентов не менее месяца и не более полугода. В марте Сенат посвятил шесть заседаний суждению по поводу именного указа об учреждении для дворянства государственного банка и предложения Шувалова об учреждении для купечества банка. Решено подать императрице доклад об учреждении дворянского банка из денег, собираемых с вина, в 750000 рублей, а для купечества из капитальных денег, находящихся на монетных дворах, в 500000 рублей; из первого давать только русским дворянам, а иностранным - таким, которые обязались быть в вечном подданстве России *фазами* (вассалами) и владеют в Великой России недвижимыми именьями; из второго одним русским купцам, торгующим при Петербургском порте.

В мае перед отъездом из Москвы Сенат определил, чтоб беглых отдавать по сказкам с 1719 года; рассмотрел межевую инструкцию, и решено быть при Сенате Главной межевой канцелярии, в которой присутствовать

генерал-лейтенанту Фермору, действ. стат. советнику Петру Квашнину-Самарину и сенатскому обер-секретарю Александру Глебову. 12 мая императрица в другой раз присутствовала в Сенате и апробовала сенатское решение о выдаче беглых, межевую инструкцию, учреждение обоих государственных банков. 13 том же заседании Елисавета подписала указ, служивший сильным противоядием восстановлению гетманства в Малороссии: соответственно уничтожению внутренних таможен в Великой России уничтожены внутренние таможенные сборы, или так называемые *индукта* и *евекта*, в Малороссии "для уравниения свободностью малороссийского, равно подданного ж ее импер. величества народа". Так достойно, хотя и бессознательно, был отпразднован столетний юбилей присоединения Малой России к Великой в 1654 году.

По возвращении в Петербург занялись возбужденным в Москве вопросом об Уложении. Сенат приказал для лучшего и скорейшего рассмотрения Уложения и указов, по которым бы сумнительства пресечены, недостатки дополнены и излишки исключены были, учредить при Сенате комиссию и в оной заседать генерал-майору и генерал-рекетмейстеру Дивову, Юстиц-коллегии статскому действительному советнику Эмме, стат. советнику Безобразову, стат. советнику Юшкову, коллежскому асессору Ляпунову, десьянс-академии профессору Штрубе и магистратскому бургомистру Вихляеву; иметь им рассуждение о подлежащих делах до Юстиц - и Вотчинной коллегии, до Судного и Сыскного приказов и до порядочного произвождения в судах магистратских и ежели из того что касаться будет к духовенству, тогда к общему положению требовать от Синода духовных персон, прочим же коллегиям и канцеляриям иметь рассуждение по тем одним делам, которые до тех касаются, изыскивая, отчего по обстоятельствам нынешнего времени в течение оных происходит продолжение, и обо всем том с ясным описанием довольных резонв сочинить на всякую матерю один указ. Генерал-майору Степану Салтыкову да полковникам князю Григорию Мещерскому и Степану Языкову иметь рассуждение как по делам, касающимся Военной коллегии, так о козаках, калмыках и о всех легких войсках: о делах же прочих коллегий и канцелярий сочинить о разных материях пункты: по Провиантской канцелярии полковнику Луке Волкову, по комиссариату тайному советнику Кисловскому, по Кадетскому корпусу полковнику Алексею Мельгунову, по Артиллерии подполковнику Корнилию Бороздину, по Инженерной канцелярии подполковнику Ельчанинову, по Ревизион-коллегии коллежскому советнику Ивану Горчакову, по Камер-коллегии вице-президенту Козьмину, по Статс-конторе коллеж. советнику князю Егору Амилахорову, по Корчемной канцелярии коллеж. советнику Алексею Федорову, по Соляной главной конторе коллеж. советнику Алексею Сергееву, по Вальдмейстерской статскому советнику Макару Баракову, по Канцелярии от строений коллеж. советнику Дмитрию Лобкову, по мастерской и Оружейной палате коллеж. советнику Алексею Аргамачеву, по Камер-коллегии коллеж. советнику Сергею Меженинову, по Берг-коллегии коллеж. советнику Никифору Клеопину, по Мануфактур-

коллегии вице-президенту Геннингеру, по Монетной канцелярии стат. советнику Василью Неронову, по конторе Потешной коллеж. асессору Дмитрию Ладыгину, по полиции коллеж. советнику Ивану Козлову, по Ямской канцелярии коллеж. советнику Льву Василевскому, по конфискации коллеж. советнику Федору Нащокину, по Академии наук коллежскому асессору Тауберту, по Медицинской канцелярии профессору Шрейберу, по Тайной канцелярии обер-секретарю Хрушову, по Раскольнической конторе коллеж. советнику Алексею Яковлеву. Когда в Сенат будет подан план упомянутой комиссии, то во все коллегии и канцелярии послать с него для ведома точные копии, дабы уже по тем материям назначенные по разным коллегиям и канцеляриям персоны не имели нужды более трактовать, а сочиняли б о таких делах, о которых в упомянутом плане не будет предписано. Губернским канцеляриям сочинять пункты по одним таким материям, которые по состоянию тех губерний к пользе общенародной быть могут.

Медленность в судных делах возбуждала всеобщие и громкие жалобы, и вот Судный приказ подает в Сенат донесение: из неоконченных судов сего января 14 имелось в один день сроков по 40 делам, а в приказе судебная палата длиною 8, а шириною 4 аршина, и 14 числа для записки в оную палату вместилось с крайнею теснотою только 7 судов, а прежде записывалось в одно время вдруг судов по 20, сколько когда приказных служителей случится; во время записки этих семи судов, что истец и ответчик в суде говорят, всех их речей судьям точно слышать невозможно, во время же тех судов записки между судящимися происходят споры, которые при той же записке собранием разбираются: за малым числом секретарей и приказных служителей бывает у каждого по вытчика в один срочный день судов от трех до семи и более, из которых по вытчики записывают по одному суду; теперь в приказе у дел секретарей четверо, а три человека в Юстиц-коллегии под следствием; всего приказных 31 человек, в том числе старые и дряхлые и к делам неспособные; все секретари и приказные служители без жалованья.

Недостатку в приказных служителях в некоторой степени помогло уничтожение внутренних таможен: приказные, употреблявшиеся здесь, немедленно были распределены по другим местам: но помочь другому злу - назначить всем чиновникам жалованье - было трудно по тогдашнему состоянию финансов. Нашли необходимым положить жалованье приказным Сысского приказа, "чтоб они могли содержать себя без всяких пристрастий". А дел в Сысском приказе не могло уменьшиться. Пришли известия, что в Смоленском уезде появились воры и разбойники, от 50 до 100 человек; в Арзамасском, Алаторском и Инсарском уездах в разных местах происходят разбои и смертные убийства, так что едва ли когда там так много разбоев было. Крестьянские и помещичьи междоусобия продолжались: когда крестьяне адмирала кн. Голицына подмосковной вотчины села Яковлевского (Пехорка тож) косили сено, то вотчины генеральши Стрешневой села Соколова дворовый человек Алексеев да

деревни Леоновой староста Спиридонов, собравшись с дворовыми людьми и крестьянами, человек до 70, с ружьем, дубьем и палашами, напали на голицынских крестьян и, захватя 12 человек, привезли в Соколово и посадили в погреба. В Карачевском уезде люди и крестьяне поручика Сафонова выехали косить сено, как напали на них трое помещиков Львовых - один советник, другой ассессор, третий корнет - да прикащики двоих других Львовых с людьми и крестьянами, человек до 600, помещики и прикащики верхами, а крестьяне пешком, напали тайно из лесу и начали бить и резать, убито было 11 человек, смертельно ранено - 45, без вести пропало два человека. Львовы, выступая в поход, взяли с собою двоих священников и, отошедши с версту от своего села Глыбочек, остановились под сосновою рощею у колодца, отслужили молебен с водосвятием, помещики и люди их приложились к образу, и Львовы начали увещевать своих, чтоб стояли крепко против врагов, "имели неуступную драку", не выдавая друг друга, а кто не устоит, того самим колоть до смерти. После всего этого помещики выбрали лучших крестьян и, напоя их вином, повели в атаку. Сафонов подал просьбу на Львовых в Севскую канцелярию, потому что в Карачев чрез львовские деревни проехать ему было нельзя, да и карачевский воевода со Львовыми в свойстве. Тогда синодальный обер-прокурор Афанасий Львов, которого прикащик участвовал в побоище, подал просьбу в Сенат, что Сафонов поступил неправильно, затеяв дело в чужой канцелярии, стакнувшись с севским воеводою. Но Сенат не обратил внимания на эту просьбу и велел оканчивать дело в Севской канцелярии.

Крестьяне Суздальского уезда подали жалобу, что многие помещики ездят в чужие дачи со псовой охотою и мнут хлеб, а когда они, крестьяне, станут запрещать им это, то их бьют. С другой стороны, нижегородский помещик генерал-майор Каменский подал просьбу, что в Нижегородской губернской канцелярии при платеже крестьянами его подушных и канцелярских сборов судьи, секретари и приказные служители берут с них сверх настоящих окладных податей великие взятки, которые превосходят суммою настоящие платежи, и прислал этим взяткам расходные записки старост своих.

Синод жаловался, что крестьяне Муромского собора оказывают духовенству собора "озорнические продерзости, грабят его хлеб, завладевают рыбными ловлями и покосами". Выборные крестьяне этих соборных вотчин с своей стороны подали в Сенат просьбу, что по грамотам крестьяне работать на соборное духовенство не обязаны, обязаны только давать по пяти рублей с выти, что и платили бездоимочно; но недавно протопоп отнял у них от каждого двора по десятине и принудил пахать; от этого и от других насильств 22 семьи разбежались, а новый протопоп, Павел Иванов, сын старого, притеснял их больше отцовского, отнял еще земли потри загона на тягло и эти сенные покосы отдал внаем по 70 рублей в год, отдал также внаем рыбные ловли, отнял у крестьян мельницу, и они должны на своей мельнице молоть хлеб, платя деньги. Протопоп от всех этих статей получает в год по 335 рублей; а их привел в конечное

разорение, еще 15 семей разбежались, за которых подушные деньги платят оставшиеся крестьяне; очередных в рекруты не отдает, а у прочих крестьян детей ловит и отцов и матерей забирает и бьет своими руками, а иных и кнутьями, чтоб они детей своих поставили, и отдает в рекруты за одного по два и берет в складку от других помещиков немалые деньги. Крестьяне жаловались преосвященному еще в 1739 году; тот назначил следователя, духовных дел старосту попа Федора Бокова, но поп по свойству с протопопом следствия не произвел. В 1740 году жаловались в Синод; но как только протопоп узнал об этом, то по согласию с воеводою и подьячим подал в канцелярию прошение, что крестьяне ему послушны, вследствие чего забрали их человек 40 и били плетьюми, приговаривая, чтоб на протопопа нигде не просили. Подали вторичную жалобу в Синод, и опять ничего не сделано; а протопоп берет их сыновей, женит насильно на купленных своих женках и держит у себя как купленных холопей; а подушные платят за них крестьяне, многих крестьянок мучит в доме своем тяжкою работою, требуя взятки: а священник Василий Степанов берет из деревень девок и женок молодых и держит у себя по месяцу, забыв страх Божий, имея законную жену.

Синод еще в 1753 году освободился от своего обер-прокурора князя Якова Шаховского, который был сделан генерал-кригскомиссаром на место Степана Федоровича Апраксина. Место Шаховского в Синоде занял Афанасий Львов, который так неловко вмешался в дело своих родственников и своего прикащика против Сафонова. В описываемом году Синод получил из Сената очень неприятную для него бумагу. Сенат потребовал ведомостей: 1) Сколько в каждом монастыре положено быть монахов и сколько на них определено порций? 2) Сколько из этого наличного числа монахов убыло и притом сколько их порций осталось? 3) Ныне на тех порциях отставных штаб-, обер - и унтер-офицеров и рядовых сколько содержится? Синод отвечал, что ведомостей прислать не может, ибо положение о монахах, составленное в прежде бывшем Монастырском приказе (если только такое положение было), вместе с прочими делами бывшей Коллегии экономии сгорело в московский пожар 1737 года. За этим следовала длинная жалоба на недостаток в содержании монастырей; если и бывают остатки от доходов, то не всегда и не во всех монастырях, истрачиваются в другие годы в случае нужды за хлебным недородом. "И тако за оным винословием тех остатков действительно и утвердительно, чтоб всегда могли быть в своем совершенно достаточном и единственном сос тоянии, почитать отнюдь не должно и невозможно", - говорилось в ответе Синода. Но Сенат, не тронувшись этим винословием, приказал написать в Синод ведение, что в 1744 году, 13 апреля, в общей конференции Синода с Сенатом при слушании выписки об определении отставных военных для пропитания в монастыри члены Синода сообщили, что из некоторых епархий и монастырей к сочинению штатов ведомости присланы, а с остальных взыскиваются, и рассуждалось о том, чтобы в Св. Синоде сочинить штаты о доходах денежных, хлебных и всяких во всех епархиях и монастырях и расписать, сколько в какой епархии и монастыре

надлежит содержать духовных, штаб-, обер - и унтер-офицеров и рядовых; притом же надобно надеяться, что и о положении прежде бывшего Монастырского приказа в канцелярии синодального Экономического правления известие есть, ибо почему каких доходов в ту канцелярию ежегодно собирать должно и сколько нужно оставлять в домах архиерейских и монастырях, для этого в канцелярии находятся окладные книги, из которых можно составить ведомости без дальнего затруднения в переписке и продолжения времени, что и благоволит Св. Синод учинить в непродолжительном времени.

Адмиралтейская коллегия также получила неприятный ответ от Сената. Эта коллегия считала 700000 рублей в недосылке с 740 по 752 год из 1200000 рублей, положенных на нее из таможенных, кабацких и канцелярских сборов, и потребовала выдачи этих 700000. Сенат приказал отказать, потому что в 732 году положено из отпускаемой на Адмиралтейство суммы строить Кронштадтский канал, доки и прочее, но вместо того с 743 года поныне из других государственных доходов на это строение в отпуску 1243738 рублей, чем недосылка и заменяется.

Новое финансовое учреждение - Купеческий банк обратился к Сенату за разрешением встреченного им затруднения, которое грозило разрушить его в самом начале: ему велено было брать в год по шести процентов с рубля; купец, требующий денег, должен объявить под заклад привезенный им к Петербургскому порту товар для удостоверения, что его больше четвертою долею против требуемой им суммы; когда он объявит о месте, где лежат товары, то Коммерц-коллегия должна освидетельствовать и для лучшей верности другие купцы должны засвидетельствовать с рукоприкладством, что товары эти подлинно принадлежат купцу, требующему денег из банка. Когда все это будет сделано, то банк выдает деньги с выключением четвертой доли и берет вексель с самого купца или в его отсутствие с прикащика, который объявит кредитное письмо хозяина; шесть процентов со всей заемной суммы вычитается вперед. О выдаче денег дается знать Коммерц-коллегии таможене, которые должны наблюдать срок платежа в банке и, когда он наступит, взыскивать с купца заемные деньги, а без того не отпускать товаров. До августа месяца никто из купцов не явился с требованием денег из банка; тогда президент Коммерц-коллегии Евреинов, которому поручен был также и банк, желая узнать причину, призвал в Коммерц-коллегию некоторых купцов, и они ему объявили, что сомневаются брать деньги с отдачею под заклад товаров, чтоб в торгующих с ними иностранных купцах не возбудить подозрения насчет их кредита, да и в полугодичный срок платежом денег исправиться они не могут; купцы просили, чтоб давали им деньги из банка без взятия в заклад товаров, а брать бы с них в исправном платеже надежных порук с сроком на год и продолжать срок на другой и третий год с перепискою векселей и с перепоручением. Сенат признал требования купцов справедливыми и позволил отдавать деньги на годичный срок, не более, однако, и наблюдать, чтоб деньги отдавались в надежные руки, в чем полагался на

президента Евреинова. В конце года контора Купеческого банка объявила, что в число определенных для банка 500000 рублей с Монетного двора отпущено 200000, из которых в раздаче 193275 рублей и осталось налицо 6725 рублей да *интересных* за употреблением по той конторе в расход 10067 рублей 88 копеек с половиною.

Из других финансовых вопросов по-прежнему часто занимал внимание Сената вопрос о соли. В начале года очевидно обнаружилось следствия соперничества элтонской соли с пермскою: бароны Строгановы, архимандрит Пыскорского монастыря и другие соликамские промышленники объявили, что наряжаемых от казны на их суда работников более не надобно. Мы видели, что провоз элтонской соли встречал препятствия в грабительствах калмыков и Сенат отнесся с этим делом к Иностранной коллегии. Последняя теперь отвечала, что калмыцкое воровство происходит от застарелого их в том обыкновения, которого по обширности степей пресечь невозможно; а соляные поставщики сами виноваты, зачем ездят безо всякой предосторожности в малолюдстве, как будто едут между русскими деревнями, а не в пустых степях. Сенат приказал: соляным поставщикам на Элтонское озеро ездить большими компаниями и в случае нужды при нападении калмыков поступать с ними как с неприятелями, но отнюдь их не задирать и для того посылать с такими партиями по офицеру с пристойною командою. Нашлись еще калмыки другого рода: получена была жалоба, что от находящихся близ Саратова команд для сыска воров соляным поставщикам, прикащикам и работникам почти проходу нет, привязываются ко всякому судну, берут к себе прикащиков и рабочих, обируют и бьют, раздирают у рабочих печатные паспорта; прапорщик Сомов в безмерном пьянстве, собрав команду и зарядя ружья, завел с рабочими людьми бой и одного человека убил. Канцелярист соляного правления Абызов при выдаче поставщикам за провоз соли с Элтонского озера денег значительную часть их удерживал у себя; по дороге починил колодцы своим коштом и собирал с соляных поставщиков за водопой с каждой пары волов по 10 и лошадей по 5 копеек, да и срубы на эти колодцы в степь заставил возить тех же соляных поставщиков-малороссиян; скупил соль под чужими именами; бежал из-под караула, когда началось следствие, и пойман в Москве. Ассессор Киселев не только не сдерживал Абызова, но и сам притеснял поставщиков, торговал хлебом и лошадьми беспошлинно.

Петр Ив. Шувалов и тут для устранения неудобств провоза соли подал проект, нельзя ли от Элтонского озера до города Дмитриевска на Волге по прямой линии провести трубы, которыми рассол тек бы до Дмитриевска и там в бассейнах садился в соль: этим избежали бы расхода за провоз соли от озера до Дмитриевска по 31 1/2 копейки за пуд. Сенат приказал послать инженера освидетельствовать на место, возможно ли это. Тот же Шувалов сделал предложение о деле более нужном и более удобоисполнимом: известно, говорилось в предложении, в каком холодном климате находятся главные места державы ее императорского величества и как поэтому

необходимо заботиться о лесах; места же, лежащие в более теплом климате, по большей части безлесные, степные, где кой-что и было, и то уже выведено: поэтому надобно постановить, в каком размере в дачах оставлять земли под леса, чтоб не остаться без лесу; надобно позаботиться и о вальдмейстерской инструкции, потому что многие места изменились: где были леса, тут почти ничего нет, и притом установить порядок относительно рубки, сечки и сеяния лесов.

Медицинская канцелярия через своего президента лейб-медика Кондоиди представила проект о сохранении народа: надобно всех находящихся в Москве и Петербурге повивальных бабок освидетельствовать в их искусстве докторам, лекарям и присяжным бабкам и, которые окажутся достойны, тем давать от Медицинской канцелярии указы и публиковать о них для всенародного известия, привести их к присяге и называться им присяжными бабками; число их должно простираться в Москве до 15, а в Петербурге до 10, и затем, если будут лишние, определять по одной бабке в каждый губернский город, а когда губернские города будут удовлетворены, то определять в каждый провинциальный город, дабы со временем ими все государство удовлетворить. Для всяких же потребностей надобно в Москве и Петербурге содержать по две бабки на казенном жалованье. Каждой присяжной бабке иметь по две ученицы; но в Москве и Петербурге надобно учредить по одной школе, в которой определить по одному доктору и по одному лекарю на казенном жалованье; этим докторам называться "профессорами бабичьего дела", а лекарям - акушерами. Пожары продолжали истреблять не только строения, но и людей: 27 июля в Калуге был пожар, сгорело обывательских 1191 двор и ряды, причем погибло до 65 человек, потому что на 15 саженьях стояло по три и по четыре двора на жилых подклетьях, улицы были не шире четырех, а переулки двух сажень.

Для сохранения людей Петр Ив. Шувалов подал обширный проект. Империя, говорилось в его предложении Сенату, находится пред прежним временем в благополучном состоянии, но существует вред в рассуждении главной силы государственной. Вред происходит, во-1, от выбывания народа за границу; 2) от небрежения большого числа солдатских детей, которые, не будучи определены в службу, без всякого присмотра скитаются и пропадают; 3) от сбора в зачет с обывателей провианта и фуража под квитанцию; 4) от притеснений и обид, претерпеваемых поселянами от проходящих полков и тому подобных приметок, грабительств и разорений; 5) от голода при неурожае и дешевизны хлеба при урожае; 6) от неспособных правителей в губерниях, провинциях и городах и от оскудения чрез то правосудия. Средства предотвратить вред предложены следующие: 1) учреждение надежных форпостов; 2) сохранение народа, положенного в подушный оклад, от рекрутских наборов; 3) порядочное снабжение армии провиантом и фуражом и прекращение вредных подрядов; 4) охранение поселян от грабительств и притеснений; 5) полезное государству свободное познание мнения

общества; экономия в случае недорода хлеба и вспоможение поселянам во время большого урожая возвышением цены на хлеб без принуждения кого-либо к покупке и без ущерба казенного интереса; б) приготовление людей к управлению губерниями, провинциями и городами, а чрез то приготовление людей к главному правительству без принуждения их к тому.

Средства эти подробнее объяснялись таким образом:

1) По государственной границе вместо смоленской шляхты и рославского шквадрона, также малороссийских козаков и гарнизонных солдат, которыми до сих пор форпосты содержатся, на каждом форпосте должно быть не менее пяти человек драгун при одном капрале или унтер-офицере, сменяя их понедельно, чтоб каждому драгуну во всю его бытность на форпостах более недели на одном из них не быть, но постоянно переводить их из одной дистанции в другую по той причине, что драгун или унтер-офицер, стоя долговременно или бессменно, познакомится с обывателями близлежащих деревень и по знакомству из выгод станет пропускать за границу беглых или купцов с неявленными товарами. Нет никакого сомнения, что без вожаков (которые обыкновенно бывают из живущих близ границы людей) ни один купец не отважится свои товары воровски провозить, не говоря к тому прежде форпостных содержателей посредством близживущих людей; так и беглый без провожатого один за границу не пойдет.

2) Исполнить повеление императрицы Екатерины I - селить полки слободами при городах, которые прилегли к границам и где хлеб дешевле и лесу достаточно, и рассуждение иметь, каким порядком в этих слободах содержать и обучать малолетних солдатских детей и до каких лет.

3) Учредить троякого рода магазины: первые - для удовольствования полков; другие, капитальные, - для балансу в цене на хлеб внутри государства; третьи при портах, дабы всегда при случае всякой надобности, особенно если в некоторых местах недород будет, иметь надежный ресурс от запасных магазинов и содержать цену хлеба в равновесии, ибо известно, в каком изобилии во многих местах Российского государства родится хлеб и какою дешевою ценою бедные земледельцы должны его продавать для уплаты государственных податей, так что сами едва нужное пропитание имеют; когда ж хотя один год случится недород, то, не имея запасного хлеба, несносную нужду терпят.

4) Во всякой губернии надлежит быть генерал-губернии комиссару, при нем в помощь по два обер-комиссара, в провинциях по одному провинциал-комиссару, в каждом же приписном городе по одному уездному комиссару. Генерал - и обер-комиссаров определяет Сенат, провинциальных и уездных комиссаров выбирает местное дворянство. Генерал-комиссары должны стараться как можно скорее построить

назначенные магазины из прибыльных от винной продажи доходов и в них заготовить определенное число провианта и фуража. При движении войска Военная коллегия дает знать об этом генерал-комиссару той губернии, в которую имеют вступить полки; генерал-комиссар пересылает маршруты провинциальным и уездным комиссарам; провинциал-комиссары смотрят, чтобы мосты и переправы были в удовлетворительном состоянии, и как скоро полк к границам прибывает, то провинциал-комиссар встречает его и провожает безотлучно во все время движения по провинции, стараясь, чтоб полки немедленно из магазинов довольствованы были провиантом и фуражом, также получали бы квартиры, причем смотреть, чтоб обывателям не было никаких обид от солдат и особенно от командиров; если же будет обида, то комиссар немедленно уведомляет об этом главного командира и требует, чтоб в тот же день дано было удовлетворение, для того при выходе на границу каждого уезда провинциал-комиссар, провожающий полки, берет от военных командиров и командиры от комиссара квитанции в чистой разделке и что нет никаких обид; эти квитанции командиры отсылают своему генералитету, а провинциал-комиссары к генерал-комиссару. Провинциал-комиссары накрепко смотрят, чтоб обывателям от переписчиков, ревизоров, межевщиков, отказчиков, сборщиков подушных денег, сыщиков, вальдмейстеров, губернаторов, воевод и подьячих ни малейших обид, особенно взяток, не было; если же будут обиды, а от комиссаров защиты не будет, то последние лишатся движимого и недвижимого имения. Комиссары смотрят, чтоб за подводы и работников, какие по указам употреблены будут, если добровольно нанять будет нельзя, платилось деньгами, а именно: в летнее время мужику с лошадей - по 20 копеек, а без лошади - по 10, в зимнее - с лошадей - по 15, а без лошади - по 6 на день; комиссары смотрят, чтоб от соцких и десяцких никаких неуравнительств и не в очередь посылок одному перед другим, также и обид отнюдь не было. Комиссары во всех местах ведомства своего должны заботиться, чтоб подданные при всех случаях страху Божию и добродетели, а особливо правде и подданнической верности наставлены были, также, чтоб они и детей своих в помянутых добрых порядках воспитывали и, сколько возможно, чтению и письму обучали, никого до плутовства, кражи, обманов, богохульства и прочих богопротивных дел не допускали, дабы чрез то все погрешности искоренить, христианство же и добродетели произведены и вместо клятвы Божией благословение над Всероссийским государством воспоследовало. Комиссары должны наблюдать, чтоб по всем безгласным делам надлежащее производство и исполнение было без упущения времени, в противном случае должны писать немедленно в Сенат. Полки недостаточно упражняются в военном искусстве преимущественно от частых посылок для земских дел в разные места, от употребления на караулы, особенно от посылок каждое лето на казенные луга для сенокоса, посылок из дальних мест; комиссары обязаны пресечь это, отдавая луга обывателям из трети или половины или нанимая работников. Генерал-комиссар с обер-комиссарами попеременно всякий год по крайней мере два раза должны объехать и осмотреть всю губернию,

в каком состоянии находятся магазины и нет ли кому из поселян обиды; провинциал-комиссары должны смотреть, чтоб все дороги, мосты, гати и перевозки находились в добром состоянии. Если между помещиками и крестьянами в деревенских обидах и ссорах произойдут словесные или письменные жалобы комиссарам, то последние должны немедленно удовлетворить обиженного, особенно во время их объезда губерний, в исках не свыше 30 рублей; об уголовных же делах, как скоро узнают, немедленно отсылают для рассмотрения и решения в губернии, провинциальные и воеводские канцелярии и смотрят, чтоб такие дела решены были безотлагательно.

При Сенате быть конторе для государственной экономии, которой обязанность не только стараться о приращении всяких государственных доходов, но о пользе народа и его прибытках. В эту контору позволить подавать всякого звания людям проекты о внутренних государственных пользах, которые она рассматривает и, найдя действительную пользу, докладывает Сенату с приложением своего мнения. Ей же иметь в своем ведении всю государственную неокладную денежную казну и из нее содержать хлебные магазины капитальные, переводя из них в портовые для заморского отпуска при С. - Петербурге, Риге и Архангельске таким образом: до наступления нового года за несколько месяцев собрать верные ведомости со всего государства об урожае в каждом месте и умолоте хлеба и о торговых ценах и расположить на каждый уезд хлебородных мест, где магазины будут, кроме отдаленных губерний, смотря по урожаю, умолоту и продаже, такую цену, которая б могла крестьянству с пользой быть и многотрудную крестьянскую работу наградить и могли бы они без тягости подати оплатить. По установленной таким образом цене целый год производить покупку хлеба в магазины, и если покупаться будет больше положенного числа, то, чтоб хлеб не залеживался, отправлять его к портовым магазинам.

Из повседневных обстоятельств видим, какое множество от некоторых губернаторов и воевод происходит притеснений бедным поселянам и безгласным помещикам; некоторые делают это из корыстолюбия, а другие - по совершенному недостатку за неимением жалованья, будучи отлучены от своих деревень. Для пресечения этого надобно губернаторам и воеводам и всем канцелярским служителям определить достаточное жалованье и быть губернаторам и воеводам бессменно, кроме случая преступления закона. В губерниях, провинциях и городах дела производятся всех департаментов, из чего можно правильно заключить, что губернии суть училища для юношей, упражняющихся в российской юриспруденции, следовательно, надлежит учредить в каждой губернии из дворянства юнкеров, которые, от самых нижних чинов обращаясь, всегда при своих должностях порядком могли достигнуть до высших степеней, смотря по их поведению и способностям; этим способом умножится число способных судей и правителей. Установить, чтоб в губерниях на губернаторские места производить из вице-губернаторов, на вице-губернаторские - из

губернаторских товарищей, на место последних - из губернских советников по старшинству и достоинству и так далее по порядку до воевод и до самых нижних чинов, в секретари не из губернских юнкеров никого не производить. При таком порядке всякую акциденцию (взятки), под каким-либо предлогом ни была, вконец пресечь должно и виновного как вредного человека общему спокойствию искоренить, наказав лишением имущества и чинов.

Проект был подан в Сенат во время великих торжеств в Петербурге: 20 сентября великая княгиня Екатерина Алексеевна разрешилась от бремени сыном Павлом Петровичем, окрещенным 25 сентября. "Петербургские Ведомости" извещали, что императрица подарила на крестинах великому князю Петру Федоровичу 100000 рублей, великой княгине - 100000 рублей да бриллиантовый убор на шею и серьги. В тех же "Ведомостях" читали описание великолепного фейерверка, сожженного по этому случаю: Россия была представлена на коленях пред жертвенником с надписью внизу: "Единого еще желаю". Потом явилось с высоты на легком облаке великим сиянием окруженное Божие провидение с новорожденным принцем на пурпуровой бархатной подушке, с надписью: "Тако исполнилось твое желание". Надпись, обращенная к Елисавете, гласила:

И так уж Божия десница увенчала,
Богиня, все, чего толь долго ты желала.

Особенные послы спешили к дружественным дворам с извещением о рождении великого князя; посланники, постоянно там пребывавшие, по-прежнему вели дипломатическую борьбу с Пруссией и Францией, подготавливая союзы на случай войны, тогда как знаменитый канцлер настаивал внутри, чтоб Россия была готова к войне, ибо Фридрих II всегда готов к ней. Бестужев в 1754 году получил наконец денежное вспоможение, о котором тщетно просил в прошедшем году, и воспользовался этим случаем, чтоб сделать шаг к примирению с братом, который жил в Дрездене без всякого поручения. 21 марта он отправил брату письмо: "Уверен о принимаемом вами во всем до меня касающемся участии, не медлю вам донести, что ее импер. величеству всемилостивейше угодно было мне 50000 рублей на уплату моих долгов пожаловать. Я хотя отнюдь никакой в себе не чувствую отмены, ни в должной брату любви и горячности, ниже в совершенном к нам почитании, но мне крайне прискорбно видеть, когда б только наружно казалось, якобы мы в несогласии; а к крайнему моему сожалению, я, однако ж, сию наружность не только сам часто приметить принужден был, но есть еще и такие бесстыдные люди, кои у меня самого наведываются, правда ли, что между нами есть великая ссора. Мой таким людям ответ всегда один, что от кого бы они о том ни слышали, всегда надобно, чтоб тот человек был бессовестный лжец или же такой, который, может быть, несогласия между нами желает. Да, конечно, я в том и не ошибаюсь, ибо подлинно сим

злостным слухам не от кого происходить, как от наших доброхотов, которые, может быть, хоть не равно нам кажутся, однако ж всегда надежно ради бы были как одного, так другого, буде можно, в ложке воды утопить. Что такие люди равно нам обоим ненавистники, оное могу я сказать с надежным основанием и по долговременному искусству (опыту), а что оные неравно нам, может быть, кажутся, то заключаю я одними только гаданиями; ибо я их стараниям и подаваемой от вас им вере приписывать долженствую сказуемую от вас мне малую доверенность, когда вы ко мне как брату, так сказать, ни с чем и ни о чем не адресуетесь, умалчивая даже ответом на собственные мои оферты (предложения) вам моих услуг, и когда, с другой стороны, посторонние вашими письмами и комиссиями почти отягощены. Мне прискорбно примечать ваше старание меня во всем обходить. Не завидую я и тем комиссиям, кои вы другим поручали разные от вас партикулярно присланные вещи ее импер. величеству подносить; но я также не понимаю, для чего в том брата вашего, хотя б он только камер-юнкером, а не канцлером был, обходить. А прискорбнее притом мне сие, что такие дела, будучи публичными, в целой публике и пустые потому рассуждения причиняют, кои, как бы неосновательны ни были, никогда, однако ж, в похвалу нам ни одному, ни другому быть не могут. Дивятся люди, когда и однофамильцы, будучи в великом числе, меж собою несогласны; так что ж о нас скажут по таким наружностям, когда нас только двое, оба родные братья, в совершенной старости и почти только одни во всей фамилии, не имея ни деревенских тяжб, ниже каких разделов, однако ж в ссоре быть кажемся? Мне видится, что истинные наши обоих друзья искренно о том сожалеют, а, напротив того, другие тому радуются, а особливо те, кои, конечно, в том свой счет находят да и старания свои к тому прилагали. Отпустите мне, *mon très cher frere*, буде я сим простосердечным письмом вам согрубляю, хотя я сего в намерении отнюдь не имею".

Но *très cher frere* никак не хотел признать простосердечия в отношениях к себе канцлера, что особенно видно из письма его не к брату, а к заклятому врагу его Воронцову: "Ваши и мои неприятели не желают меня ни в отечестве видеть, ни чтоб я здесь (в Саксонии) определен был, хотят меня отбоярить в Англию и для того выдумали, якоб король английский намерен к нам посла послать, а именно господина Вильямса, о которого персоне описание к вам уже послано было (Гроссом), которое совсем с правдою не сходно, понеже он мужик трус, болтун и лгун, много говорит, а слушать нечего, - дабы токмо чрез то иметь оказию представить, что уже третий посол от английского двора к нам посылается, - учтивость и атенция требуют, чтоб от нас посол в Англию послан был, и таким бы образом меня от отечества и отсюда для того отдалить старались и стараются, чтоб Функа у нас, а Гросса здесь удержать. Вот, милостивый государь, вся вам интрига экспликована, ибо у короля английского ниже на мысли было посла к нам посылать, но еще такого брؤولона, каков есть Вильямс. Все сие от коварных людей нарочно для вышешоказанных резонов вымышлено. Как не стыдно подобные лжи писать! Сии люди ни на славу, ни

государственный интерес не смотрят, но единственно о своем интересе и консервации думают и попечение имеют. Да и сожалительно есть, что и от венского двора толь скоро отозван был по причине ложных представлений, кои в моем отзыве учинены были; ежели б я тамо еще на год или на два оставлен был, немалые б услуги в сербском деле оказать мог. Сиятельный граф! Ежели вашими сильными стараниями ее импер. величество ради моей дряхлости и старости при польском дворе меня определить всемилостивейше склонится, то я подлинно вас уверяю, что таким определением не токмо ваш собственный интерес в том будет, но и вашего сиятельства кредит при тех дворах прославится; а других слабость и бессилие окажутся, мне же в особенное удовольствие, а неприятелям моим в восчувствование будет". Но слабость других, т. е. канцлера, не оказалась на этот раз: брату его не удалось заменить Гросса при польско-саксонском дворе.

Сербское дело было причиною отозвания Бестужева из Вены; понятно, как преемник его Кейзерлинг должен был бояться этого дела. В начале года Кейзерлинг получил рескрипт, в котором ему повелевалось снова поднять тяжелое дело; сербский выходец генерал-майор Шевич писал, что жены, дети и прочие близкие родственники многих сербов, вступивших в русскую службу и находящихся под его начальством, без всякой причины задержаны в австрийских владениях и он, Шевич, отправляет двоих своих офицеров для вывода означенных людей. Императрица требовала от Кейзерлинга, чтоб он помог этим офицерам в благополучном окончании этого дела. Кроме того, Шевич отправлял секунд-майора Петровича в Черногорию для принятия в русскую службу тех из тамошних и окрестных жителей, которые желают переселиться в Россию. Кейзерлинг должен был вытребовать им свободный проезд через австрийские владения. На свои представления по этому предмету Кейзерлинг получил от австрийского министерства такой ответ: "Императрица-королева немало сожалеет, что при нынешних обстоятельствах не может дать удовлетворительного ответа на предложение г. посла: после тяжкой и долговременной войны она видит сильный недостаток в народонаселении своего государства, особенно когда дело идет не об одном населении земель, но и о защите границ, и потому она никак не может позволить выезд иллирийцам, поименованным в списке посла, кроме жен и безбрачных детей тех иллирийцев, которые переселились в Россию". Относительно черногорцев отвечали, что им свободный проезд чрез австрийские владения будет дозволен, но выразили сомнение, свободны ли эти народы: "Императрица-королева не может скрыть сомнения, что народы эти по большей части окружены турками и когда будут проходить в Венгрию и далее в Россию, не миновать им турецких владений, а, по вероятному известию, они признают верховную власть султана платежом некоторой подати, следовательно, преимущества совершенно вольных людей потеряли. Но если так, то от просвещенного проницания императрицы российской укрыться не может, как легко выезд этих народов может повести к столкновению с Портою, что подаст желанный случай дворам, старающимся поднять Порту против

императорских дворов, к исполнению своих злобных намерений, тогда как общая польза требует, чтоб оба императорских двора тщательно сохраняли мир с турками".

На донесение об этом сомнении Кейзерлинг получил рескрипт: "Хотя черногорцы многими другими народами, находящимися под турецким владычеством, окружены, однако сами они, по надежным известиям, вольные люди, которые не только не признают верховной власти Порты и не платят ей дани, но находятся в постоянной борьбе с турками для своей защиты. Хотя в договоре между Портою и Венециею черногорцы и уступлены Порте, но договор остается безо всякой силы, потому что вольного народа нельзя уступать без его согласия".

Но этим дело не кончилось. Черногорский архиепископ Василий Петрович приезжал в Петербург и представлял, что он будет уговаривать вступить в русскую службу своих черногорцев, которые находятся в венецианской службе, если только будет им свободный проезд чрез австрийские владения и послан будет в Триест верный человек для их приема. Императрица поручила Кейзерлингу устроить все это дело, переговоривши с архиепископом, который будет возвращаться домой через Вену. Кейзерлинг отвечал, что архиепископ не говорил ему об этом ни слова, чего бы не могло быть, если б он действительно хотел озаботиться переводом черногорцев из венецианской службы в русскую, и что для двоих или троих черногорцев не стоит тратиться - посылать нарочного в Триест.

Важнее было содержание сношения между русским канцлером и австрийским послом графом Эстергази. Мы видели, как Россия заботилась о том, чтоб окружить прусского короля цепью союзов для сокращения его сил при первом удобном случае. Австрийский двор отвечал на русские предложения не совсем удовлетворительно, а именно Мария-Терезия изъявила готовность в случае нападения прусского короля на саксонские или ганноверские земли помочь подвергшимся нападению державам силами, соответствующими обстоятельствам времени и достаточными для прекращения замешательств в самом их начале. 23 марта Бестужев передал Эстергази промеморию, в которой говорилось, что императрица, обнадежив своею помощью посланника великобританского в случае нападения прусского короля на ганноверские владения, уже приказала ввести в Лифляндию и держать там наготове к походу 60000 регулярного войска сверх козаков и других легких войск. Императрица не сомневается, что императрица-королева также сооблаговолит для общего дела объявить, что если Россия подвергнется нападению от прусского короля или от кого бы то ни было по злобе за помощь, обещанную ею курфюрсту ганноверскому, то со стороны венского двора это нападение будет признано за случай союза по договору 1746 года и немедленно исполнятся все обязательства, в этом договоре постановленные. Хотя движение русских войск в Лифляндию может удержать прусского короля от

завоевательных замыслов, однако еще было бы надежнее, если б, с другой стороны, императрица-королева приказала собрать знатный корпус войск к силезским границам.

4 июля Эстергази передал Бестужеву ответную промеморию, в которой Мария-Терезия объявляла, что признает случай союза, если Россия подвергнется нападению откуда бы то ни было, за помощь, обещанную королю английскому как курфюрсту ганноверскому; что же касается до корпуса войск на силезских границах, то императрица-королева обязана содержать его по четвертому секретному артикулу договора 1746 года, и эта обязанность ею исполнена.

Гросс, несмотря на дурные отзывы об нем графа Михайлы Бестужева, а следовательно, и Воронцова с товарищи, оставался русским министром в Дрездене, где его положение становилось все затруднительнее вследствие все более и более разгоравшейся вражды между главами русской партии, Черторыйскими и придворною партией Брюля и Мнишка. В огонь было подлито масла знаменитым делом об острожской ординации. Последний из знаменитой фамилии князей Острожских Януш в 1609 году из обширных своих владений на Украине, Волыни и в Подолии устроил ординацию, которую, не имея сыновей, передал дочери своей княгине Заславской, в случае же угаснутия и этой фамилии из ординации должно было образоваться мальтийское командорство. Так как ординация должна была выставлять отряд из 600 вооруженных людей для охраны республики от турок и татар, то республика была заинтересована в поддержании ее благосостояния и нераздельности. В описываемое время владел ординациею Януш Сангушко, происходивший от князей Заславских по женской линии. Этот Сангушко был страшный мот, нажил множество долгов и, чтоб избавиться от кредиторов, решился на сделку с некоторыми сильными фамилиями, именно поделил ординацию между ними с условием, чтоб они заплатили его долги и дали ему часть ординации в пожизненное владение. Акт раздела был совершен, и одним из участников подела оказался воевода русский князь Август Чарторыйский. Это незаконное дело возбудило сильное волнение в Польше, особенно на Волыни, в Подолии и Галиции; коронный гетман Браницкий вздумал беззаконие поправить беззаконием же, вооруженною рукою занял крепость ординации Дубно; получившие участки по акту раздела готовились защищать их также вооруженною силою.

При таких-то обстоятельствах должен был собраться сейм в Гродно, куда приготавлился ехать и русский посланник.

В одном письме своем к литовскому канцлеру Чарторыйскому Гросс упоминал об особенном благоволении императрицы к нему и ко всему его дому. Чарторыйский отвечал: "На повторение вашего обнадеживания в особенной милости императрицы ко мне и фамилии моей я повторяю свое прошение доставить мне действительные знаки этой милости и

положительное письменное удостоверение в покровительстве, которое мне будет оказано в случае нужды, чтоб мне можно было надежнее на него полагаться, чем на словесные обещания, ибо я уже испытал в последнюю бытность при здешнем дворе графа Бестужева-Рюмина, что обнадеживания русских министров могут быть изменчивы". По поводу этого ответа Гросс писал: "Ваше величество из этих речей можете приметить что канцлер не перестает ожидать присылки Андреевского ордена. С другой стороны, коронный канцлер граф Малаховский как сам, так и чрез фаворита своего советника Алое спрашивал у меня, не пришло ли из России решение о награде ему, о которой подана ему мною надежда. При нынешней в Польше смуте, для поддержания которой Франция и Пруссия денег не щадят, было бы очень нужно дать канцлеру хотя среднюю сумму для притягивания к русским интересам польских шляхтичей, ибо неоспоримо, что ежегодною раздачею небольшого числа денег ваше величество могли бы лучше подкреплять свою партию, нежели употреблением миллионов при нужде. Опасаюсь, что если отъеду в Польшу с пустыми руками и не удовольствовав Малаховского и Чарторыйского, то при наступающем сейме не буду иметь успеха в порученных мне делах".

Малаховский передавал Гроссу, что Мнишек тайно дал повод к спору и замешательству по поводу острожской ординации, чтоб в мутной воде рыбу ловить и тем подкрепить свою партию; но, говорил Малаховский, он ошибся в своих расчетах, ибо не только он сам, Малаховский, в этом деле искренно соединился с князьями Чарторыйскими и примасом, но и Потоцкие и другие с ними же согласны, так что теперь партия Мнишка состоит только из обоих гетманов, воеводы бельского и некоторых ему подобных врагов общего спокойствия, поэтому можно ее ослабить, если императрица для подкрепления своей партии определит небольшую годовичную сумму, посредством которой можно было бы господствовать на сеймиках и уничтожить все франко-пруссские интриги.

28 апреля Гросс подал Брюлю промеморию, в которой заключалось предложение: если курфюршество Ганноверское подвергнется нападению прусского короля, то польский король действовал бы сообща с обоими императорскими дворами и дал надлежащую помощь. Брюль обещал письменный ответ, а на словах сказал, что король его желает более всего самого тесного соединения с высочайшими союзниками, потому что гордое поведение прусского короля становится невыносимо для саксонского государя: так, недавно Фридрих II потребовал пошлины за проезд через Силезию. Между тем приближалось время отправляться на сейм в Варшаву, и Гросс собирался туда с удовольствием, потому что получил наконец от своего двора известие, что примасу Комаровскому назначено по 5000 рублей ежегодной пенсии, коронному канцлеру Малаховскому - по 7000 да на раздачу шляхте 3000, литовскому канцлеру князю Чарторыйскому - Андреевский орден, коронному подканцлеру графу Воджицкому - мех соболий в 2000 рублей; а накануне отъезда Гросса из Дрездена он получил от 10 июня письменный ответ королевский на свою

промеморию о соглашении насчет прусского короля; в ответе говорилось, что Август III с совершеннейшею благодарностью принимает великодушную заботу императрицы о безопасности своих союзников. Императрица может надеяться на совершеннейшую взаимную королевскую дружбу, преданность и полную взаимность касательно новых предложений, сколько силы Саксонии могут это дозволить. Что же касается ганноверского двора, то его величество король ничего больше не требует, как и с ним быть в оборонительных обязательствах, отчего, однако, этот двор уклонился, отказавшись возобновить трактат 1741 года; несмотря на то, его величество и теперь склонен помянутые обязательства возобновить и поступать с ганноверским двором с совершенною взаимностью. Посылая этот ответ в Петербург, Гросс писал: "Ваше величество изволите приметить, что ответ составлен с величайшею осторожностью и граф Брюль не скрыл от меня, что принуждены были держаться таких общих выражений из опасения, чтоб этот акт каким-нибудь образом не попался в руки прусскому королю".

14 июня в Варшаве Гросс имел аудиенцию у короля для поднесения Андреевского ордена, назначенного Чарторыйскому. При этом случае Гросс произнес речь, что императрица жалует орден литовскому канцлеру за его постоянное доброе расположение и преданность общим обоим дворам интересам, не сомневаясь, что и его величество король будет этим доволен; императрица уверена, что как он сам, канцлер, так и весь его дом и друзья твердо пребудут в прежних своих добрых чувствах для пользы общей, а с другой стороны, императрица уверена, что его королевское величество будет продолжать к ним свое высокое покровительство как издавна искренним, верным и благоразумным слугам своим, которых ревностное радение об общем благе хорошо известно. Король отвечал: "С радостью возложу орден на канцлера; что же касается до продолжения к нему моей милости, то оно будет зависеть от его поведения".

"Я таким образом к его величеству изъяснился наиболее потому, - писал Гросс, - что со стороны графа Брюля оказывается явное нерасположение к князьям Чарторыйским и их сторонникам; зять его граф Мнишек показывает себя во всем покровителем противной партии. Мои представления у графа Брюля в пользу Чарторыйского не имели надлежащего действия, он попрекает литовского канцлера в непослушании королевским указам".

15 июля Гросс в доме коронного канцлера имел с польскими министрами конференцию, во-1, относительно выдачи русских беглых; 2) относительно пограничных судов по столкновениям между русскими и польскими подданными; 3) относительно обид, претерпеваемых православными; 4) относительно назначения комиссаров для определения границ. Поляки признали единогласно справедливость требований императрицы относительно выдачи беглых, толковали, как все поляки должны чувствовать, что их благосостояние зависит от согласия с Россией, но

выразили надежду, что императрица благоволит уважить состояние республики, которое не позволяет ни королю, ни министерству поступать, как поступают в самодержавном государстве, что в настоящем случае они не знают никакого способа, согласного с здешними конституциями, как бы понудить шляхтичей к выдаче беглых крестьян. Можно выдать воров и других злодеев, также дезертиров, но нельзя выдать простых крестьян и раскольников, ибо в таком случае должно опасаться общего бунта как от своевольной шляхты, так и от самих беглецов, тем более, прибавил канцлер Чарторыйский, что шляхта хорошо помнит, как в 1708 году, когда Карл XII пошел на Украину, Петр Великий всех жителей польских пограничных областей отправил в Россию, откуда, несмотря на частые требования, возвращены не были; если Россия не могла возвратить отвезенных польских подданных, когда в ней все зависит от воли государя, тем менее можно ожидать этого от республики, и республики испорченной, где законное исполнение часто от воли каждого шляхтича зависит. Когда Гросс говорил, что можно поручить выдачу беглых пограничным судам, то ему отвечали, что по уставам это дело пограничным судам неподведомственно, шляхтичи отговорятся, что оно подлежит сеймовому решению; что, с другой стороны, поднятие этого дела отняло бы кредит у них, министров, и перед сеймом подало бы повод к шуму и сильной ненависти против России, и потому, как им, канцлерам, кажется, главное состоит в заботе, чтоб на будущее время предотвратить бегство крестьян. С этой целью они составят в сильных выражениях рескрипт королевский, чтоб впредь никто не смел принимать беглых русских; если сейм не состоится, то сенатус-консилиум утвердит рескрипт; если же сейм состоится, то будут стараться, чтоб постановление о непринятии беглых было внесено в сеймовую конституцию. Канцлер литовский говорил, что от самой императрицы зависит, чтоб впредь беглых за рубеж не было, да и прежние возвратились: пусть только обнадежит раскольников манифестом, что им впредь никакого утеснения в России не будет, объявит амнистию для всех, кто пожелает возвратиться, определит жестокие казни против упорных, когда они будут схвачены, обещает возвратившимся на несколько лет свободу от податей и построение слобод для жительства, прикажет пограничным командирам и форпостам никого не пропускать без паспорта, ибо недавно выданный им, Чарторыйским, Кузьмин возвратился из Киева в Гомель и объявляет себя свободным, а покойный генерал Леонтьев четыре года тому назад сам к нему писал, чтоб некоторому русскому купцу позволил поселиться в Гомеле, форпосты же часто за малые подарки пропускают. По донесению полковника Панова, отправленного в Польшу для сыску беглых, их там было до миллиона. Поляки соглашались выдавать ему беглых солдат, уголовных преступников и дворовых людей, но никак не крестьян, толкуя, что крестьянин не есть дезертир. Панов возражал, что "дезертир" - слово не русское и не польское, а немецкое, по-русски значит беглец всякий: дворовые люди у всех помещиков берутся из крестьян, а другие отпускаются в крестьяне; кроме того, многие из русских беглецов уголовные преступники: у него самого,

Панова, ушло 50 человек, один из них утопил жену, другой у родного брата жену увел, третий человека убил, другие сожгли дом покойного отца его, Панова; но эти возражения не принимались поляками. В Гродне отдали ему шестерых беглых солдат, обобравши их до рубашки. Панов подал объявление, что в Белостоке и других местах и в самой Варшаве более 200 беглых солдат: обещали отдать и не отдали. Интерес самих вельмож требовал, чтоб не отдавать русских беглых: за Чарторыйским в одном старостве Гомельском жило несколько тысяч беглых, в Вильне Панов нашел 50 человек беглых солдат и когда потребовал от тамошнего подвоеводы их выдачи, показывая приказ канцлера литовского князя Чарторыйского, то подвоевода сказал: "Это только наша польская политика". Польская Лифляндия почти вся населена была русскими беглецами, преимущественно раскольниками. Когда Панов туда приехал, то все деревни опустели, жители бросились в леса. Начальные люди пошлют их ловить, приведут человек 20 и отдадут одного или двоих, оставя у себя их родственников, чтоб они возвратились, а кто доносил Панову о беглых, тех начальные люди били постромками. У ксендза Аскирки было 40 деревень, населенных русскими беглецами, и ксендз объявил, что он на предписания польских министров и смотреть не хочет и пока не возвратят ему забранных русскими полками в последнюю революцию 100000 талеров да убежавших в Россию 90 душ, до тех пор ни одного русского не отдаст, причем грозил дурно поступить с Пановым.

Относительно пограничных судов канцлеры обещали составить проект для внесения в сеймовую конституцию или по крайней мере для утверждения в сенатус-консилиуме. Представления Гросса о гонениях, претерпеваемых православными, канцлеры признали справедливыми, складывая всю вину на упрямство епископа виленского, которому они столько раз писали, чтоб унялся, а теперь еще напишут: если же он по-прежнему будет утверждаться на непозволении строить и поправлять православные церкви, то они намерены позвать его на суд к папскому нунцию и даже к самому папе и уверены, что на этом суде он проиграет дело; если сейм состоится, то постараются внести в сеймовую конституцию постановления о правах православных, возвращение же вдруг всех церквей и монастырей, взятых по заключении вечного мира, зависит не от них: о каждой церкви должно быть исследовано пред комиссиею, но какой причине эта церковь попала к униатам. "Теперь перед моим судом, - сказал Чарторыйский Гроссу, - пять процессов Виленского православного монастыря о взятых у него разных монастырях и церквах; вы увидите, что я окажу всякую желаемую справедливость единоверцам ее императорского величества; они впредь не будут жаловаться и на недостаток адвокатов, потому что согласно с уставами я буду приказывать такому или такому защищать их дела пред судом; но я требую, чтоб они, будучи польскими подданными, прежде обращались с своими жалобами ко мне. своему естественному судье, а не обращались бы сейчас же к императрице или вашим министрам, которые должны заступаться за них только в том случае, когда в Польше и Литве им не окажут справедливости".

Но к этим затруднительным делам присоединялось еще дело курляндское. Граф Брюль уверял Гросса, что прусский король имеет на своей стороне большинство курляндского дворянства, и недавно представил Франции проект, в котором предлагает, что, в случае если удастся подвинуть Порту против России, в то же время надобно действовать против последней со стороны Курляндии без подания повода союзникам России вступаться за нее и именно курляндское дворянство, оставленное польским королем без покровительства, обратится к нему с просьбою о помощи против России, так долго удерживающей в неволе Бирона; Фридрих II потребует освобождения Бирона, и так как Россия, по всем вероятностям, откажется исполнить это требование, то она явится зачинщицею войны и союзники ее не будут иметь права помогать ей. Брюль пел старую песню, что решением курляндского дела все прусские происки вдруг уничтожились бы и много зла было бы предупреждено; по крайней мере на многочисленные промемории польского правительства насчет решения курляндского дела пусть дастся ответ, составленный хотя в общих выражениях, например что Россия по важным причинам должна была до сих пор промедлить ответом, но что окончательное решение объявлено будет. Во всяком случае, Брюль обещал по возможности оттянуть аудиенцию у короля курляндскому депутату Гейкингу, избранному для представления жалоб курляндского дворянства. Канцлер Малаховский и князь Чарторыйский также обещали Гроссу стараться, чтоб аудиенция Гейкинга была отложена до окончания сейма, но при этом Чарторыйский не скрыл, что всякий шум об этом предупредить нельзя, ибо в инструкциях, данных своим послам разными польскими и литовскими поветами, внесен пункт - настоять у короля, чтоб он исходатайствовал решение в пользу герцога Бирона, да и сенаторам запретить нельзя, чтоб они не упоминали об этом в своих речах; только до сеймового решения дело не пойдет, потому что, по всем вероятностям, тем или другим способом сейм будет разорван.

Английский полномочный министр Уильямс объявил Гроссу, что его король имеет в Польше один интерес - споспешествовать видам российской императрицы, и прибавил, что король его признает невозможным стараться о том, чтоб наследный саксонский принц при жизни отца был назначен и наследником польского престола, особенно теперь, когда двор в деле острожской ординации старых своих приверженцев, которых преимущественно употреблял для приведения в действие проекта о преемстве престола, оставил и начал держаться членов французской партии. Гросс отвечал, что императрица одного мнения с королем, и в самом деле, принимая во внимание настоящие обстоятельства, отношения французские, прусские и турецкие, иначе и думать об этом деле нельзя.

Не имея надежды, чтоб сейм состоялся, Гросс начал хлопотать, нельзя ли в сенатус-консилиуме провести дело о признании Польшею императорского титула русской государыни. Канцлер и князь Чарторыйский на его предложение отвечали, что дело возможное, если б они наперед были

уверены в значительном большинстве голосов в Сенате и особенно в чистосердечной помощи двора и партии графа Мнишка, ибо в противном случае они бы только понапрасну компрометировали императрицу и подали повод врагам своим уменьшить кредит их у шляхетства: враги их стали бы толковать, что они в угождение чужой державе решили дело, принадлежащее сейму. Когда же Гросс предложил об этом Брюлю и Мнишку, те высказали недоверие к князьям Чарторыйским и приятелям их, прибавив, что из опасения французско-прусских интриг не надобно преждевременно разглашать о намерении внести вопрос о титуле на решение сенатус-консилиума, а, когда сейм разорвется, тогда должно советоваться с благонамеренными сенаторами о возможности удовлетворить желанию императрицы и о способах к тому. Упомянутое о французско-прусских интригах дало Гроссу возможность сказать Брюлю: "Как жаль, что с некоторого времени члены французской партии льстят себя покровительством самого двора и прилагаются всякие старания к уменьшению значения магнатов, издавна преданных королю и императрице; дурные следствия этого оказываются явно в деле острожской ординации, во внушениях Франции при Порте, которая наполнила Польшу эмиссарами в предосуждение чести королевской. Король не должен оставлять старых общих приятелей своих и России, как людей испытанной честности и благонамеренности, не должен позволять, чтоб они были приведены в бессилие, но должен содержать их в прежней доверенности, чтоб в случае нужды пользоваться их кредитом для общих интересов и сохранения тишины в Польше; впрочем, императрица, давая этот добрый совет по союзнической дружбе с королем, отнюдь не советует королю презирать всех других магнатов, напротив, надобно стараться всех вельмож, не обращая внимания, кто они - Чарторыйские или Потоцкие, приводить в согласие для единодушного содействия общим интересам. Граф Брюль вместо прямого ответа сделал печальный вид и распространился в жалобах против князей Чарторыйских, против их недоверчивости к нему, Брюлю, и его зятю Мнишку, говорил, что Чарторыйские и канцлер Малаховский сами повредили своему кредиту у духовенства поведением своим в этом несчастном деле острожской ординации. Потом Брюль спросил: "Чем двор при настоящих обстоятельствах подкрепляет французскую партию?" Гросс отвечал: "Тем, что поддерживается гетман коронный, который поступает по советам главного французского сторонника воеводы бельского". "Никто, - возразил Брюль, - так жестоко не попрекал за это коронному гетману, как я; вы сами видите, что король оказывает явно свое неудовольствие воеводам бельскому и брацлавскому, генералу Мокрановскому, Хоецкому и подобным людям, из которых одних и состоит теперь французская партия".

Когда Гросс говорил Мнишку о соглашениях с старинными приверженцами императрицы и короля, то Мнишек отвечал, что не хочет быть в зависимости ни от кого, кроме короля и своего тестя. Гросс писал своему двору, что в партии графа Мнишка нет ни одного умного человека из знатных, а главные его советники, коадьютор киевский Солтык и братья

Збоинские, неоднократно заявили свое корыстолюбие и двоедушие, и хотя вследствие спора по острожскому делу партия Мнишка и гетмана усилилась предъявлением видов, угодных шляхетству, однако партия князей Чарторыйских не очень ослабела, чему доказательством служит, что половина послов поветовых или депутатов сеймовых принадлежит к их партии, и если Чарторыйские потеряли некоторых из знати, то приобрели других, как-то фамилию Любомирских, и когда острожское дело так или иначе прекратится, то настоящие отношения между польскими вельможами могут снова измениться; да и как бы то ни было, хотя бы все вакантные места раздавались по одному представлению графа Мнишка, которого кредит будет велик во все время министерства тестя его, однако партия князей Чарторыйских никогда не придет в презрение, потому что, по признанию самих врагов, их канцлер литовский в Литве человек всемогущий, а его брат в каждом воеводстве королевства имеет маестности, с которых получает до 120000 червонных годового дохода, следовательно, всегда большую часть шляхетства будет иметь на своей стороне. "Я думал, - писал Гросс, - что ваше импер. величество главным образом имеете в виду польское междуцарствие, когда примас играет главную роль; известно, сколько в прошлое междуцарствие наделал вреда примас Потоцкий, действовавший против видов России; настоящий же примас, Комаровский, мне недавно подтвердил прежнее свое обещание, что никогда не возложит короны на кандидата, неприятного вашему величеству". Гросс писал также, что если бы он с своими представлениями против партии Мнишка обратился прямо к королю, то это было бы бесполезно и опасно: бесполезно потому, что король во всем привык следовать советам графа Брюля; опасно же потому, что этим он навлек бы на себя ненависть первого министра, что вредно отозвалось бы на отношениях между двумя дворами.

Сейм начался 19 сентября и находился в бездействии, потому что в первых шести заседаниях не позволяли приступить к выборам маршала, что по уставу должно было сделаться в первый день. Депутаты, преданные Чарторыйским, настаивали, чтоб прежде выборов маршала решено было дело острожской ординации. Брюль королевским именем обещал Чарторыйским, что если они позволят на избрание маршала, то ни одно дело не будет пущено, прежде чем состоится решение насчет острожской ординации. Но Чарторыйские не полагались на обнадешивания Брюля, потому что недавно были обмануты: король обещал, что при трибуналах не будет войска и никого из людей, не принадлежащих к трибуналу, и нарушил свое обещание.

В это время приехал в Гродно курляндский адвокат Цигенгорн. Гросс предупредил Брюля, что этот Цигенгорн главный виновник того, что на курляндском сеймике в одну ночь дела изменились явно ко вреду России. Несмотря на это предостережение, король пожаловал Цигенгорна в надворные советники. Это заставило Гросса выразить императрице подозрение, что сам польский двор желает возобновления курляндского

дела. хотя и не в пользу Бирона, но только для того, чтоб императрица высказалась, что не может ни Бирона, ни фамилию его восстановить на курляндском престоле, а польско-саксонский двор воспользуется таким объявлением, чтоб доставить Курляндию своему принцу. Подозрение подтверждалось словами графа Мнишка Гроссу, что если императрица не желает восстановления Бирона, то лучше об этом объявить и соглашаться с королем о другом приятном для обоих дворов кандидате; что королю, естественно, было бы всего приятнее, если бы императрица согласилась видеть герцогом курляндским одного из его сыновей; привести в исполнение это намерение всего легче, потому что поляки согласятся из уважения к королевскому дому, а в Курляндии множество шляхты этого желает. Гросс отвечал, что не может ничего сказать на это, не имея инструкций, особенно когда императрица при нынешних обстоятельствах признает нужным оставить дело в совершенном молчании; притом религия будет служить препятствием, ибо саксонские принцы католики, а герцог курляндский должен быть лютеранином. Мнишек возразил, что тут нет никакого затруднения, ибо в курляндской конституции о религии герцога ничего не определено. Гросс заметил на это, что если бы и так, то король прусский не замедлит объявить, что от назначения католика герцогом религия страны находится в опасности и вмешается в дело, причем некоторые курляндцы к нему непременно пристанут. Мнишек не нашелся, что возразить на это.

Вторая неделя сейма прошла точно так, как и первая: ежедневно в Посольской избе было собрание; ежедневно старый маршал пытался приступить к выбору нового, и ежедневно со стороны преданных Чарторыйским депутатов не было на то позволения, пока не будет решена острожская тяжба. Брюль обвинял Чарторыйских в обмане, в нарушении данного слова, Чарторыйские обвиняли в том же короля, жаловались, что король в союзе с гетманами позволяет себе насилия, говорили, что если они позволят выбор сеймового маршала до окончания острожского дела, то враги их обратят сейм в конфедерацию и постановят все, что им угодно, на их пагубу. Брюль два раза обращался к Гроссу с просьбою уговорить Чарторыйских, чтоб не сопротивлялись выбору маршала, угрожая в противном случае совершенною немилостию королевскою; но ни Чарторыйские, ни Малаховский ни о чем не хотели слышать и ждали успеха от одной своей твердости.

Вследствие этой твердости сейм кончился ничем: но в то же время Мнишек подал королю просьбу, подписанную некоторыми сенаторами, о назначении казенной администрации над острожскими именьями; король согласился, и это произвело сильное раздражение, начали толковать о стремлении короля к самодержавию. Гросс представлял такое положение дел крайне опасным и деликатным, ибо, с одной стороны, Россия никак не может позволить перемены в польской правительственной форме, а с другой - по европейским отношениям должно сохранять дружбу короля. Обратившись снова к своим, русским делам, именно к выдаче всех беглых,

Гросс встретил неодолимое сопротивление в своем главном приятеле - литовском канцлере князе Чарторыйском, который объявил, что ни за что не возьмется проводить это дело, ибо оно может лишить его всего кредита у шляхты; до сих пор, противодействуя внушениям франко-прусской партии, он внушал шляхте, что необходимо держаться России, которая одна в состоянии оказать помощь республике, а если он теперь станет проводить дело о выдаче беглых, то эти внушения вдруг потеряют всякую силу. Когда Гросс сказал, что шляхта еще более будет раздражена, если императрица силою велит забрать всех своих беглых в Польше и Литве, то Чарторыйский отвечал с сердцем, что от великодушия императрицы не опасается такого поступка, но все же он лучше согласится на это, чем самому проводить такое дело, и скорее откажется от канцлерского чина и Гомельского староства, лежащего на русских границах, чем внесет в универсал требование выдачи беглых, и если б сам король согласился выдать такой универсал, то он, канцлер, не приложит к нему печати. А между тем рассуждение о незаконности учреждения казенной администрации над острожскими именьями, поданное королю самим примасом, было публично сожжено как пасквиль; типография, где оно печаталось, была заперта: из боязни королевского гнева ни в одном суде вопреки обычаю не приняли протеста князя Сангушки против администрации, и посол французский Брولى хвастался, что он лучше всех своих предшественников успел в поражении русской партии. Чарторыйские в сильном беспокойстве обращались к Гроссу с вопросом, что думают в Петербурге о последних польских событиях, прибавляя, что насильственные поступки новой придворной партии, соединенной с французскою, явно клонятся к установлению мало-помалу самодержавия, что русским интересам также противно, как и самим им. Гросс отвечал, что обо всем уведомил императрицу, но еще не получал никаких наставлений.

По возвращении в Дрезден Гросс доносил, что граф Брюль жаловался на английского министра Уильямса, который, оставшись в Варшаве, ободрял князей Чарторыйских. Брюль при этом не иначе называл Чарторыйских как неприятелями короля, тогда как о Потоцких отзывался с удовольствием, говоря, что посол французский уже попрекал их преданностью двору.

Мы видели, что в прошлом году начались переговоры между Россиею и Англиею насчет субсидий для содержания русского войска на границах. Дело затянулось оттого, что русский двор, по мнению английского, просил слишком много денег. 21 марта 1754 года дан был Гюидикенсу русский контр-проект, который английским министром принят был только на доношение: требуемая сумма 200000 фунтов показалась ему чрезмерною. Канцлер подал императрице новую записку: "Теперь от монаршего соизволения зависеть будет решение, надобно или нет сию негоциацию продолжать и совершить и тем, конечно, короля английского яко союзника в безопасность привести и для передо полезным себе сохранить или же, напротиву того, уничтожая сию негоциацию, неминуемо короля прусского, и без того уже гордостью и жадностью к большему еще усилению

дышащего, в большую знатность и силу допустить. Правда, что, как первые аглинского двора генеральные предложения весьма податливыми казались, так и теперь, когда к прямому делу пришло, уже крайне скупы стали, правда ж, напротиву того, что и здешние запросы весьма велики были. Как теперь первая опасность несколько миновалась, а наступающею зимою обстоятельства еще много перемениться могут, наипаче же, что войска по собственному ее импер. величества благоизобретению и, правда сказать, для опасности от собираемых тогда около Кенигсберга прусских войск уже действительно в Лифляндию заведены, да и содержание оным тамо, как и новое искусство (опыт) показало, и без того необходимо нужно, то, видится, и здешние кондиции несколько облегчить надобно, дабы, во-первых, ежели и никакого с королем прусским прямого дела не дойдет, то, однако ж, поход и собрание здешних войск в Лифляндии не даром, да и содержание оных тамо не в убыток, но с пользою было, ибо ежели рассудить, что и без всяких выгодностей, однако ж собственная безопасность, наипаче же соблюдение приобретенного донныне в Европе у всех дворов почтения и знатности необходимо требуют великую часть армий в Лифляндии содержать, то собою окажется, что всякие субсидии, какие бы от Англии за сие содержание только войск на границах получены ни были, чистою уже прибылью почитать надлежит. А второе, и наиглавнейшее, в том состоит, что ежели теперь, полагаясь на нужду, в каковой король аглинской быть видится в здешних первых запросах, непоколебимо стоять, то легко статься может, что и король аглинской, тщетно полагаясь иногда, что король прусской одними угрозами удовольствуется и его не атакует, на здешние кондиции склониться заупрямится, а как сие никогда долго тайно быть не может, то уже более того имоверно, что король прусской, пользуясь сим расплохом, как то ему и обыкновенно, вдруг на Ганновер нападет и разграблением хранимого в нем бесчисленного, так сказать, сокровища обогатится и еще более силен и потому опасен будет. Тогда уж поздно было б и аглинскому королю в страстной его скупости раскаиваться и щедрым быть, ибо, потеряв, так сказать, все, не о чем и заботиться будет; да безвременна ж была б тогда и здешняя, хотя б уже и вдвое посылаемая, помощь, ибо королю прусскому, всегда ко всему готовому, предовольно одной кампании все ганноверские ему отверстые и крепостей не имущие области овладеть и разорить. Да еще на посылку тогда помощи и поступить едва ль можно было бы: во-первых, время уже не допустит о каких-либо предварительных кондициях соглашаться, да хотя б что вскорости и сделано было, трудно уже в исполнении полагаться. Второе, здешние войска, не ожидая скоропостижного походу, не будут в состоянии в оный тотчас вступить за неимением довольных к тому запасных магазинов. Третье же, и главнейшее, король прусский, видя здешнюю атаку, с королем аглинским тотчас примирится и, оставя ему Ганновер, все силы свои против здешних обратит и толь отважнее на то поступит, что уже ганноверские миллионы добрым сукурсом при себе иметь будет". Дела в Швеции в начале года приняли более тревожный характер. Панин писал, что версальский двор, не

усматривая успеха предложенного им при датском дворе четверного союза, поднял сильное движение в Стокгольме: французский посланник маркиз Давранкур, открыв переговоры и возобновление субсидного трактата, предложил тройной союз - между Францией, Швецией и Пруссией, причем домогался о посылке корпуса войск в Финляндию. "Я должен, - писал Панин, - отдать справедливость содействию мне благонамеренных королевских приверженцев, но в успехе их плохая надежда; вся власть у стороны противной; кроме того, в Сенате будут бояться обвинения, что если откажут Франции в возобновлении союза, то шведский двор останется без системы, оттолкнувши всех союзников". Но год проходил, и тревога оказывалась ложною.

С противоположной стороны, из Константинополя, Обрезков доносил, что французский посол алчно желает заставить Порту принять участие в польских делах и заключить союзы с Пруссией и Швецией для сдержания России; посол внушал миролюбивому султану, что от этого никакого беспокойства Турции не будет, что она сделает то же самое, что делает Россия, составляя союз между Австрией, Саксонию, Англию. Не имея успеха в своих внушениях, посол подал ноту, в которой объявлял, что многие польские вельможи, доброжелательные Франции и Порте, обратились к нему с вопросом, что намерена сделать Порта при движении приверженцев России, набирающих войска с целью установить наследственное правление; эти польские вельможи будто бы просили его, посла, уговорить Порту, чтоб прислала к ним доверенного и благоразумного человека, который бы сам на месте удостоверился в опасных видах России. Этою нотой посол принуждал Порту к ответу, что было понято ее министрами и произвело раздражение между ними. "Надобно собаке кость бросить", - решили они и написали ответ: "Блистательная Порта сообщением французского посла довольна, содержание его ноты изрядно выразумела и в свое время даст ему знать о своем намерении".

Большее впечатление производили на Порту известия о населении Новой Сербии и построении там крепости св. Елисаветы. Когда Обрезков дал знать, что императрица приказала строить крепость при верховье реки Ингула близ устья впадающей в нее речки Туры и что это место находится около тридцати часов пути от турецкой границы, то рейс-ефенди с жаром сказал: "Это дело совершенно противно договору и, конечно, должно нарушить дружбу; если с русской стороны на границах крепости строить начинают, то и Порта с своей стороны то же сделает". Обрезков послал ему карту для удостоверения, что крепость строится внутри Российской империи, а не на границах, причем велел сказать, что ближе ее к границам есть уже укрепление Архангельское, следовательно, нарушения договора здесь нет никакого и если Порта намерена в землях своих строить крепость, кроме означенных в договоре мест, то имеет на то полное право и русский двор никогда этого права оспаривать не будет, ибо каждый государь волен в своих государствах делать то, что заблагорассудит;

сообщено было Порте о строении крепости только по соседственной дружбе, а не в смысле испрашивания позволения на внутренние распоряжения государства, ибо русский двор как сам не любит мешаться в чужие дела, так не терпит и в своих делах указчиков, следовательно, дело не нуждается ни в каких дальнейших изъяснениях и ответах со стороны Порты.

Сам султан принял известие о построении крепости с большим неудовольствием и велел рассмотреть дело как можно внимательнее, нет ли нарушений договора. Визирь собрал совет и призвал какого-то Магмет-ефенди, известного своими географическими познаниями; долго рассматривали карту и решили, что крепость строится в противность договору, а потом прочли решительное объявление Обрезкова, что дело кончено, что он никаких возражений не примет, и не знали, что делать. Наконец придумали средство: обратиться за объяснением к министрам союзных с Россиею дворов - английскому и австрийскому.

Пенклер и Портер по совещании с Обрезковым отвечали, что, по их мнению, мирный трактат не отнимает права у обеих сторон строить крепости в местах, отдаленных от Азова, и эта постройка не может нарушить дружбы, потому что дело взаимное, Порта с своей стороны то же может сделать, когда заблагорассудит. Рейс-ефенди не был доволен этим ответом, говорил, что Пенклер и Портер или не поняли отзыва Порты, или понять не хотели, что построением крепости необходимо нарушается договор и правила в отношениях между государями: во время мира вдруг начинают строить крепость в недалеком расстоянии от границы. Порта просила Пенклера и Портера, чтоб они склонили свои дворы уговорить петербургский двор отложить постройку крепости, потому что это сильно раздражает Порту. Когда Портер сообщил об этом Обрезкову, тот отвечал, что если венский и лондонский дворы исполнят желание Порты, обратятся с своими представлениями к петербургскому двору и не получат успеха, то Порта еще более раздражится и станет упрекать венский и лондонский дворы, что не усердно старались. Но Пенклер и Портер не остановились этим и решили подробно сообщить своим дворам все дело. При этом Пенклер внушал Обрезкову, что сомнительно, имеет ли Россия право строить крепость; Обрезков сильно его оспаривал, указывая, что турки построили крепость Харабат, которая к Запорожской Сечи ближе, чем крепость св. Елисаветы к Очакову. Оба министра, и австрийский, и английский, были сильно опечалены этим делом и желали дружелюбного его окончания: они боялись, чтоб Порта в своем раздражении на Россию не уступила домогательствам французского посла. Переводчик Порты говорил переводчику русского посольства, что новая крепость - это чирей на здоровом теле, что от него антонов огонь может прикинуться; стоит ли для прикрытия десяти козаков раздражать империю, которая всегда старалась о сохранении мира. Турки только и желают войны и сдерживаются единственно искусством правительственных лиц, а теперь как их сдержать, особенно могущественное духовное сословие? На это

Обрезков велел заметить переводчику Порты, что правило русского двора - других не страшать и самому никаких угроз не бояться. Известно, что Россия содержит наготове многочисленное войско, однако никому не внушает, что не может его сдерживать.

Между тем у министров Порты происходили частые советы, и наконец решили: не относиться прямо к русскому двору в надежде, что он тронется донесениями Обрезкова и оставит постройку крепости. По словам Обрезкова, виновником всего беспокойства был рейс-ефенди; Другие, видя его ярость, говорить не смели, а иные нарочно молчали, чтоб ввести его в погибель, и хотя всем вообще построение крепости неприятно, однако большая часть думает, что оно не противно трактату, а только дружбе. Войны по миролюбию султана бояться не должно, но непременно произойдет большая холодность, а может быть, Порта склонится на домогательство французского посла. Последнее может повести к войне, причем союзники могут отказать в помощи, выставив Россию виновницею войны. Поэтому Обрезков советовал оставить начатые работы над крепостью, а для соблюдения достоинства заявить Порте, что постройка крепости оставляется не потому, что признана противною трактату, но единственно из дружбы к султану и чтоб он перестал ссылаться на трактат; Обрезков советовал сделать это заявление как можно скорее, чтоб отнять у Австрии и Англии возможность хвастаться своим посредничеством.

Но в Петербурге не считали возможным остановить постройки крепости, и Обрезков должен был сообщить Порте об уверенности его двора, что его не будут более беспокоить таким невозможным делом, как остановка крепостного строения. Когда Обрезков сообщил Пенклеру и Портеру о содержании ноты, которую ему предписано подать Порте, то они пришли в сильное беспокойство и стали упрашивать Обрезкова, чтоб помедлил подачею ноты. Особенно горячился английский посол, который обнадежил Порту, что усердным старанием его короля и римской императрицы это дело кончится к удовольствию Порты. Обрезков имел слабость склониться на желание союзных министров и отложить подачу ноты, и когда Порта начала спрашивать, какое же наконец принято в Петербурге решение, то он вместе с союзными министрами отвечал, что окончательного решения еще не принято. На донесение Обрезкова об этом вице-канцлер Воронцов заметил: "Мне мнится, что весьма напрасно себя допустил уговорить союзным министрам, чтоб присланный отсюда ответ Порте сообщить поумедлить, понеже чрез собственное медление себе больше *амбара* (затруднения) причинил, а турецкому дожиданию ответа вящую нетерпеливость умножит, к тому ж из депеши ясно усмотреть мог, что здешний ответ есть точный и никакой другой отмены ожидать не должно б, следовательно, подачею оногo медлить не надлежало, дабы единожды навсегда от нескладного турецкого требования, чтоб крепость не строить, отделаться".

По объявлению Портера рейс-ефенди говорил английскому переводчику именем султанским, что если Порта получит из Петербурга решительный отказ, то не колеблясь пристанет к противной стороне, отчего можно опасаться и войны. На донесение об этом Обрезкова Воронцов заметил: "По моему мнению, ежели б сии господа союзные министры, признав справедливость нашу о построении крепости, с большею твердостью в пользу нашу на представления турецкие ответствовали, а не с такою опасностью (боязливостью) и менажированием требования ее принимали, то, конечно бы (как и последует), горячность и угрозы турецкие давно бы в ничто обратились. Слабейше мнится, что сие дело одним или другим образом лучше между собою самим, без посторонних посредников прекратить, а иначе скоро конца не дожждаться". Обрезков писал, что крепость св. Елисаветы рано или поздно может быть главною причиною разрыва с Портою, ибо турки считают ее так же важною, как и Белград, когда он находился в австрийских руках, и спрашивал, польза от нее перевесит ли этот вред. На это Воронцов заметил: "Человек в мыслях своих, а еще более в гаданиях весьма ошибиться способен; напротив мнения г. Обрезкова думаю, что построение крепости св. Елисаветы будет для переды великим авантажем России и турков в узде содержать".

Воронцов был совершенно прав: дело было вздуто рейс-ефенди и боязливостью Пенклера, Портера и Обрезкова. Когда оно было спокойно представлено султану, тот дал такое решение: так как строение крепости производится в русской земле и в некотором отдалении от турецких границ, то, если дружественным образом отклонить его нельзя, отстать от всяких требований. Это решение было последним в жизни султана Махмуда: 2 декабря 1754 года он умер и на престол вступил брат его Осман.